

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации **Родиной Марии Алексеевны**
«Элизабет Боуэн: особенности романистики»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук по специальности
10.01.03. – литература народов стран зарубежья
(американская и европейская литература)

Диссертация М.А. Родиной впервые в отечественном литературоведении обращается к романному творчеству Э. Боуэн – писательницы, на родине давно входящей в канон классики XX в., тогда как у нас знакомство с ее произведениями происходит со значительным опозданием. Сборник ее психологических новелл был переведен на русский язык в 1984 г. (серия «Библиотека журнала “Иностранная литература”»), и единственная пока диссертация по новеллистике Боуэн была защищена Д. Лавлинским в 2011 г. Первый роман Боуэн по-русски увидел свет в 2019 г., так что М.А. Родина, можно сказать, является первопроходцем и облегчает работу будущим переводчикам оставшихся девяти романов Боуэн.

Актуальность избранной темы заключается прежде всего в том, что необходимость в изучении романистики Боуэн давно назрела; пора исправлять сложившееся в нашей англистике положение, при котором фигура Вирджинии Вулф практически заслоняет собой всю английскую женскую прозу ее современниц, среди которых – Мэй Синклер, Ребекка Уэст, Айви Комптон-Бернетт, Джин Рис, Роуз Маколи, Розамонд Леман и другие, еще менее известные у нас имена. По мере распространения гендерных подходов их критическая репутация растет с каждым десятилетием, заново открываются очень достойные писательницы. Однако следует заметить, что мастерство

Боуэн как первоклассного романиста получило признание еще до возникновения феминистской критики, и потому обращение к творчеству Боуэн с применением методов академического литературоведения, с минимальным привлечением построений критической теории последних сорока лет, представляется уместным и оправданным.

Поскольку работа М.А. Родиной представляет собой первое обращение к романистике Боуэн, диссертантка ставит задачу комплексной характеристики ее поэтики, ее художественного мира. Введение демонстрирует высокую степень изученности ее романов в англоязычной критике; и в дальнейшем анализе М.А. Родина ведет постоянный диалог с авторами монографий и статей по творчеству Боуэн, корректирует их и полемизирует с ними. Материалом в работе служат прежде всего романы Боуэн (наиболее значимыми оказываются «Смерть сердца», «Дом в Париже», «Зной дневной»), а также тексты Боуэн автобиографического и эстетического содержания. Любопытно, что главный теоретический манифест Боуэн – эссе «Notes on Writing a Novel» (1945) – в работе используется только дважды, причем заглавие переводится по-разному (с.86, с.137). Как бы это эссе ни расценивать, разве не заслуживает оно, в свете избранной темы, более подробного анализа? Очень симпатичны оговорки диссертантки по поводу масштаба и границ ее исследования – сосредотачиваясь на избранном угле зрения, она не забывает в нужных местах очертить круг проблем, которые оставляет за границами своей работы. **Научные положения и выводы из диссертации обоснованы** одновременно широтой авторского взгляда на Боуэн и четким пониманием ракурса своего исследования. **Достоверность и новизна** полученных результатов обусловлены хорошим знакомством автора и ее умелым использованием критической литературы теоретического и историко-литературного характера, навыками работы с текстами разной природы, анализом оригинальных художественных произведений.

После постановки проблемы во Введении, после формулировки цели и задач исследования следуют четыре главы, обращающиеся к разным сторонам художественного мастерства Боуэн-романистки.

Первая глава выявляет сквозные темы, мотивы и образы в романах писательницы. Выделены три основных темы, и каждая раскрывается на уровне типичных для Боуэн образов и мотивов. Конкретные романы привлекаются с точки зрения их иллюстративности для выдвигаемого тезиса, изложение ведется с опорой на биографический, психоаналитический и герменевтический методы. Глава отличается обилием привлекаемого материала и скоростью переключения между романами; предлагаемая точная привязка образов, мотивов и приемов к конкретным произведениям иногда вызывает вопросы. Так, в параграфе 1.2.3. «Мотив двойничества и категория “жуткого” в романе “Зной дневной”» высказывается соображение, что в романе о Второй мировой войне Боуэн «обращается к травмам Первой мировой войны опосредованно, используя мотив двойничества и сюжетные “лакуны”» (64). Наблюдение о связи в представлении уже некоторых современников событий Первой и Второй мировых войн в единую войну само по себе ценно и точно, но и мотив двойничества, и сюжетные лакуны используются в «Зное дневном» не только для создания впечатления военной обстановки и «шпионской» атмосферы жуткого, но – как и в прочих романах Боуэн – как приемы, выражающие гносеологическое сомнение, ее видение внутреннего мира человека, тогда как при чтении создается впечатление исключительности этих приемов для рассматриваемого романа.

Вторая глава состоит из двух неравных разделов – исследование пространства в романах Боуэн занимает три параграфа, тогда как время рассматривается в одном общем параграфе. Выделяются три значимых образа пространства у Боуэн – «большой дом», англо-ирландская усадьба как символ уходящей цивилизации, как формирующее героя пространство и даже, благодаря антропоморфизации, как самостоятельное действующее лицо; идиллический образ Аркадии; условные «вакуумные» пространства –

повышенно динамичные, обезличенные, транзитные пространства, несущие в себе мотивы бездомности, бродяжничества, маргинализации: отель, вокзал как знаки современной «багажной цивилизации». В разделе о времени показана близость концепции времени у Боуэн к прустовской, настоящее в ее романах неотделимо от прошлого, а прошлое прорастает в настоящее. Констатируется усложнение временной организации в трех последних романах писательницы, увеличение в них роли ретроспективы.

Глава оперирует понятием «хронотоп», на котором М.А. Родина специально не останавливается. В заглавие раздела вынесена идея взаимосвязи пространства и времени в литературном произведении, но композиционно в главе эти категории разведены, рассматриваются поочередно, и в выводах из главы говорится: «Рассмотрев категории пространства и времени в художественном мире Боуэн, мы приходим к выводу, что они теснейшим образом взаимосвязаны, образуя хронотоп. Пространство наделяется атрибутами времени..., а время – атрибутами пространства...» (108-109). Это звучит чересчур, на мой вкус, общо. Хотелось бы довести дело до конца: какое именно значение вложено в работе в термин «хронотоп» и какие из классических хронотопов (или их модификации) Ваш анализ обнаруживает у Боуэн?

Вторая глава, обращаясь к центральным, ядерным проблемам любой поэтики, попутно выходит на ряд важнейших характеристик творчества Боуэн. Здесь затрагивается ее место в традиции англо-ирландской литературы и проблематика национальной идентичности; некоторые характерные детали ее художественного мастерства.

Третья глава посвящена символике романов Боуэн. Первый параграф рассматривает основные оттенки символики огня и тепла с опорой на «Психоанализ огня» Г. Башляра; башлярские комплексы Прометея, Эмпедокла, Пантагрюэля, Новалиса прослеживаются в сюжете и в образной ткани романов. Второй параграф показывает, как зеркала в описаниях интерьеров играют у Боуэн роль в создании оппозиций «мужское/женское»,

«свое/чужое», «реальное/нереальное», «правда/выдумка», а также символически усиливают мотив двойничества; высказана также догадка о том, что зеркала в позднем творчестве писательницы иллюстрируют лакановскую теорию «стадии зеркала». Третий параграф главы посвящен символике лебедя, причем оригинально вскрываются параллели между романами Боуэн и ирландской мифологией. Все это потребовало высокой общей эрудиции, тщательной работы с текстами, сведения воедино наблюдений по поводу функционирования символики, умения классифицировать разнообразный материал.

Опять-таки за счет широты этого материала мне местами не хватало подробностей в изложении, отдельные наблюдения, возможно, заслуживают более развернутого комментария, у читателя не всегда есть уверенность, что он правильно достраивает нить аргументов М.А. Родиной – но это мое субъективное ощущение. И как в предыдущих главах, раздел «Выводы» представляет в сухом остатке логический итог анализа поставленной проблемы.

До сих пор эти выводы по главам четко отбивают этапы и внутренний ритм исследования, последовательно и сжато характеризуют аспекты романной поэтики Боуэн.

Заключительная четвертая глава предлагает практические примеры «пристального чтения» отрывков из шести романов Боуэн. Понятно, что глава задумана как синтетическая: целостный анализ фрагментов призван проиллюстрировать сложность, изощренность мастерства Боуэн, стать заключительным аккордом в исследовании, наглядным подтверждением высказанных ранее тезисов. Эта глава видится мне самой спорной, потому что:

1. Глава играет роль аргумента для ранее высказанных тезисов, уже достаточно обоснованных текстовым анализом в ходе предыдущего изложения. Получается, что аргументы отстоят слишком далеко от тезисов, приобретают автономность.

2. Подбор отрывов – дело субъективное, но сами предлагаемые интерпретации вызывают вопросы. Пристальное чтение, или чтение через призму деконструкции (методологической моделью служит «S/Z» Барта), для критика, работающего с литературой XX в., входит в базовый набор квалификаций. Тот факт, что полномасштабные примеры «пристального чтения» редко обнаруживаются, обусловлен не только «предварительным» характером этой стадии анализа, но объемом необходимого для «пристального чтения» комментариев.

Позволю себе вступить в дискуссию по поводу комментария к предсмертной сцене Эммелин и Марки из романа «На север» (1932) (параграф 4.2.). В целом отдавая должное посылу предложенной интерпретации – М.А. Родина пишет, что в приводимом фрагменте «душа героини отделяется от тела и она смотрит сверху на происходящее» (157), «она внезапно принимает решение покончить со своей болью самым кардинальным образом» (156), описывается момент, когда в состоянии аффекта героиня принимает решение умереть, – я читаю текст иначе: героиня задолго до этого фрагмента потеряла волю к жизни, духовно замерла, и этот отрывок воспроизводит финальную часть ее пути к давно предрешенной и повествовательно подготовленной катастрофе, которая произойдет тремя абзацами позже.

На с. 155 говорится: «"North" имеет, само собой, коннотации холода, зимы, ночи, смерти. ...Для Эммелин указатель «на север» иллюстрирует холод в их с Марки отношениях, а также символизирует конец, смерть». С общеевропейской точки зрения это верно, но в британской литературе тридцатых годов, как это очевидно на примере Одена и поэтов его группы, оппозиция Север-Юг означала противопоставление моральной чистоты, здоровья, собранности, дисциплины, отваги морального действия, которые ассоциировались с Севером, чувственности и моральной нечистоплотности Юга. Разделяла ли Боуэн эту трактовку, не знаю, но ведь именно так противопоставляются в романе Эммелин и Марки. Если брать только

минимальный контекст, непосредственно в рассматриваемой главе выше говорится о том, что с детства отблеск северного сияния воплощал для Эммелин непереносимую красоту жизни, чистоту одиночества, врачующий, охлаждающий страсти покой. Эта сила притяжения Севера, сила недостижимого в жизни совершенства, одерживает в Эммелин верх над уютом тихой ночи, над «дружелюбной темнотой», над требованиями жизни. Если же взять более широкий контекст, то в романе есть предчувствия Марки относительно смертельной опасности, которую для него представляет влечение к Эммелин. Далее анализ предлагает параллель между черно-белым дорожным указателем «Север» и оппозициями «добро/зло, мужское/женское». Боуэн с ее семейной историей и семейной жизнью, с ее беспощадной человеческой зоркостью вряд ли видела взаимоотношения между полами в черно-белом свете, даже для Эммелин в состоянии аффекта это упрощение. Отказ Эммелин от жизни уподоблен во фрагменте отъезду как таковому, *departure*, а она сама – путешественнику, расстающемуся со всем привычным и знакомым. Если довериться автору, то не потребуется переставлять слова, как это делается на с. 156, в «*seeing the strands of the unknown snap like paper ribbons*». Это не «фотографии незнакомого берега», а совершенно четкий образ, часто встречающийся в путевой прозе периода – «нити неведомого рвутся, как серпантин при отплытии корабля». Имеется в виду до сих пор не совсем исчезнувший обычай пассажирам в момент отплытия бросать серпантин остающимся на берегу провожающим; так же в разбираемом отрывке в героине рвутся последние связи с жизнью, предельно натянутые в ходе непосредственно предшествующего объяснения с возлюбленным. Осознанного решения совершить самоубийство Эммелин не принимает, потому что на протяжении всей главы она находится в состоянии отрешенного полутранса.

Но этот пример в целом только подтверждает трудности, с которыми сталкивается исследователь произведений Боуэн, и из самого пристального чтения ее романов разные ученые делали и делают разные выводы.

На с. 23 Введения сформулированы 4 вопроса, которые являются внутренним стержнем диссертации. Развернутый ответ на них содержит Заключение, подчеркивающее, что из всего обозначенного круга тем самой оригинальной у Боуэн является тема обмана и самообмана, которая звучит в последнем романе писательницы «Ева Траут», что с жанровой точки зрения Боуэн в разных текстах использует элементы романа воспитания, шпионского романа, ирландского усадебного романа, готического романа, а основные стилевые характеристики ее прозы – высокая степень полисемии и антитетичности. Среди предшественников Боуэн названы Флобер, Пруст, Г. Джеймс, Форстер, Вулф. Заключение также очерчивает возможные линии дальнейшего изучения поэтики Боуэн. Библиография к работе насчитывает 183 позиции.

Автореферат и представленные публикации, в том числе 4 статьи в изданиях из списка, рекомендованного для защит в Советах МГУ, опубликованные по теме диссертации, отражают основные положения диссертации.

Работа очень тщательно оформлена, написана ясным языком.

Вместе с тем, высказанные в отзыве замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» (европейская и американская литература)» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Мария Алексеевна Родина заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по

специальности 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» (европейская и американская литература)».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Института филологии и журналистики
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
КАБАНОВА Ирина Валерьевна

Кабанова

1.11.2019

Контактные данные:

тел.: 7(906)1541817, e-mail: ivk77@hotmail.com

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья

Адрес места работы:

410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

ФБГОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», Институт филологии и
журналистики

Тел.: 8(845)210637; e-mail: ivk77@hotmail.com

Федусенко И.В. Кабанова

Ученый секретарь СГУ

И.В. Федусенко

И.В. Федусенко